

3. Гурова И.М. Зарубежный опыт мотивации и стимулирования трудовой деятельности // Экономика и социум: современные модели развития. 2017. № 18. С. 106-121.
4. Сергеева О.Ю., Каримова А.А. Экономические последствия санкций для российской экономики // Вопросы экономики и управления. 2017. №1. С. 134-137.
5. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Влияние экономического кризиса 2014-2016 годов на занятость россиян // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 1-17.
6. Хаматханова М.А. Безработица в Российской Федерации в условиях экономических санкций: причины, последствия, способы эффективной занятости населения // Фундаментальные исследования. 2015. № 11. С. 828-831.
7. Шапиро С.А. Социально-экономические аспекты трудовой деятельности. – М.: ИД «АТИСО», 2011.

Isaev Evgeny Nikolaevich, graduate student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky Ave., Moscow, 119571, Russian Federation). E-mail: akadem77@yandex.ru

THE MODERN SYSTEM OF PERSONNEL MOTIVATION MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL SANCTIONS

Abstract

The article deals with the domestic system of personnel motivation in the conditions of Western economic sanctions, which led to significant changes in the labor market. The increase in the cost of production of goods and services leads to a deterioration in the financial stability of the enterprise, its financial condition, which entails a decrease in the motivation of production activities. The author proposes a number of measures aimed at increasing the motivation of employees in the conditions of modern economic changes.

Keywords: team building, public relations, motivation, international sanctions, human resources, labor productivity, labor market, personnel management, efficiency.

УДК 323

DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-4-245-251

ГОСУДАРСТВО И ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ В НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ XIX-XX ВВ.

Кашина аспирант кафедры российской политики, факультет политологии,
Евгения Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Александровна (119991, Россия, Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр., 27, корп. 4).
E-mail: kashina_evgenia@outlook.com

Аннотация

Статья освещает функционирование энергетической системы России в последней трети XIX–XX вв. в двух аспектах: в контексте государственного регулирования и участия иностранного капитала. Основной фокус исследования направлен на нефтегазовый сектор. Освещена проблема оценки взаимодействий государства и иностранных энергетических корпораций, в том числе, согласования их интересов в конфликтных ситуациях. Кроме того, предпринята попытка прояснить факторы, подавляющие или стимулирующие развитие нефтегазовой промышленности в контексте интеракций государственных структур и иностранного бизнеса. В статье прослеживается позитивная корреляция между масштабами участия иностранного капитала, стабильностью политического режима и состоянием экономики.

Ключевые слова: *российская энергетика (последняя треть XIX-XX вв.), история нефтегазового комплекса, нефтегазовые группы интересов, энергетическая политика, энергетическая безопасность, иностранный капитал, государственное регулирование, энергетические активы, внутреннее потребление.*

Государство и иностранный капитал в нефтяной промышленности Российской Империи

Обзор государственного регулирования энергетики и участия западного капитала в нефтяной отрасли целесообразно начать с последней трети XIX века. В этот период сложилась структура собственности в отечественной нефтяной промышленности. На этапе своего формирования российская энергетика была представлена крупным и средним капиталом. Российские энергетические активы еще не были консолидированы, тогда как на Западе уже существовали энергетические гиганты «Standart Oil» и «Royal Dutch Shell». Крупные отечественные нефтяные компании сформировались и стали консолидировать активы хронологически позже. Наряду с этим в России последней трети XIX века наблюдалось технологическое отставание от Запада.

Присутствие иностранного капитала на российском энергетическом рынке на этапе его формирования стало препятствием в становлении и развитии отечественной нефтяной отрасли. Иностранное участие в условиях слабо сформированного российского энергетического рынка сказывалось как на развитии внутреннего рынка, так и экспортного потенциала Империи. Американская компания «Standart Oil» имела большую долю на рынке внутреннего потребления и, кроме того, активно занималась экспортом российских ресурсов. По данным историка Б.М. Шпотова, накануне консолидации отечественных нефтяных компаний зарубежные фирмы вывозили до 70% отечественного керосина и поставляли его в страны Востока по морским путям [1, с. 133].

В ходе проведения аукционов после отмены системы откупов образовались две относительно крупные отечественные нефтяные компании: «Бакинская нефтяная компания» представлявшая крупный промышленный капитал и «Русская генеральная нефтяная компания» (РГНК). Если первую совместно основали ведущие предприниматели того времени: В.А. Кокорев, П.И. Губонин, И.М. Мирзоев, то вторую основал местный бакинский предприниматель А. И. Манташев [2, с. 33]. Отечественные промышленники XIX в. ставили перед собой задачи по развитию только внутреннего рынка, не рассматривая при этом системно возможности выхода на международные рынки сбыта.

Консолидация и скачок в развитии нефтяной промышленности наряду с отменой откупной системы были обеспечены появлением в 1870-х гг. третьего участника энергетического рынка — отечественной нефтяной компании с частично шведским капиталом «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». Необходимо отметить, что несмотря на то что компания была зарегистрирована и вела свою деятельность в России, считается самой крупной отечественной компанией конца XIX начала XX веков, в работах ряда авторов можно встретить сомнения по поводу ее принадлежности русскому капиталу [3, с. 22]. Тем не менее, своим быстрым ростом компания братьев Нобель достаточно быстро усилила позиции отечественного капитала на внутреннем рынке энергоресурсов. До 80-х гг. Нобели считались лидерами нефтяного рынка России, отодвинув иностранных конкурентов на второй план [4, с. 14].

В 80-х гг. XIX века американская компания «Standart Oil» стала терять свое влияние на внутреннем рынке и уступила первенство в российской энергетике компании «Братья Нобель». Одним из доказательств значительного усиления российского капитала в отечественной энергетике стали попытки выйти на внешний рынок самостоятельно и без посредников. Именно компании братьев Нобель, в 1885 г., принадлежат первые среди отечественных конкурентов инициативы по экспорту энергоресурсов из России, привлечению прямых иностранных инвестиций за счет личных связей в западных деловых кругах и налаживание контактов с европейскими партнерами из Германии, Австрии, Швеции, Дании и Италии, заинтересованными в покупке российских энергоресурсов.

Однако в 1890-е гг. позиции иностранного нефтяного бизнеса вновь усилились. На российском энергетическом рынке появилась влиятельная зарубежная компания французского происхождения. Французский банкирский дом «Братья Ротшильд», не являлся нефтяной компанией, но активно инвестировал в российскую энергетiku. Механизмом входа на российский энергетический рынок стало кредитование малых и средних нефтедобывающих предприятий бакинского региона. Второй этап французской «экспансии» был осуществлен во второй половине 1880-х гг. и ознаменовался покупкой ряда предприятий, в числе которых были акции крупной отечественной компании «Каспийско-Черноморского нефтепромышленного и торгового общества» [5, с. 50]. В ходе поглощения русских активов французская ветвь дома Ротшильдов скупила около 155 мелких бакинских нефтяных предприятий. После чего все активы были объединены в единую нефтяную компанию «Батумское нефтепромышленное и торговое общество (БНИТО)», позже – «Каспийско-Черноморское экономическое общество».

В 1890-е гг. помимо французского проявил интерес к российским энергетическим активам англо-голландский капитал, который осуществлял скупку обанкротившихся предприятий по схеме компании «Братья Ротшильд» [5, с. 52]. Заинтересованный в присутствии на российском рынке английский капитал достаточно быстро занял большой сектор в отечественной энергетике. В конце XIX века именно англо-голландская компания «Royal Dutch Shell» наряду с отечественной «Бранобель» приобрела монопольное положение в российской нефтяной промышленности и удерживала его вплоть до прихода советской власти. Необходимо отметить, что внешнеполитические и деловые связи с Великобританией в указанный период были достаточно благоприятными в отличие от американской «Стандарт Ойл», деятельность которой особо регулировалась правительством. Такая политика обосновывалась противодействием американской экспансии и экономической безопасностью народно-хозяйственного комплекса страны.

В целом Правительство Российской Империи применяло комплексный подход в регулировании отечественного нефтегазового рынка. С одной стороны, оно осуществляло протекционистские меры, способствуя развитию отечественных компаний. С другой стороны, члены правительства создавали благоприятную среду для работы дружественных иностранных инвесторов, так как именно иностранные компании могли обеспечить Россию инвестициями, технологиями и поспособствовать

ее выходу на мировой рынок, перспективный для богатой энергоресурсами страны. Попытка соединить два противоположных направления регулирования энергетики воплотилось в идее создания экспортного синдиката, в котором наравне могли состоять российские и западные нефтяные компании. Однако, проект создания совместного западно-российского синдиката остался не реализованным.

Помимо мер экономического характера политика государственного протекционизма в нефтегазовой отрасли осуществлялась на основе отраслевых организаций и комиссий. Механизмами воздействия государства на отечественную энергетику стали такие организации, как Съезд бакинских нефтепромышленников (1984 г.), и Русское техническое общество (1982 г.) [6, с. 18]. Обе площадки стали основой для официального взаимодействия нефтегазового бизнеса и власти. В центре внимания Съезда бакинских нефтепромышленников и Русского технического общества находились альтернативные маршруты энергоресурсов. Позиции отечественного и западного бизнеса были оппозиционны. Нефтепроводы требовались в основном для экспорта, тогда как для обеспечения внутреннего спроса было достаточно имеющейся инфраструктуры [5, с. 49]. Основными маршрутами поставок российских компаний являлись водный путь по Волге и Закавказская железная дорога [7, с. 89], тогда как для экспорта эти маршруты не подходили.

Государственные и экспертные структуры участвовали в оценке инфраструктурных проектов западных компаний. Проекты по строительству нефтепроводов «Баку-Батуми» и «Грозный-Туапсе», ориентированных на экспорт российских нефтепродуктов, вносились на рассмотрение, начиная с 1890-х гг. Общей практикой российского правительства стали отказы по соответствующим проектным предложениям в 1890-е, и в начале XX века [8, с. 145]. Последний раз западные проекты по строительству нефтепроводов, в том числе «Баку-Батуми-2», были предложены в 1915 г. компанией Royal Dutch Shell и отложены из-за развернувшихся военных действий в ходе Первой мировой войны [9, с. 134]. Таким образом, борьба отечественных и западных компаний за выгодные маршруты трубопроводов продолжалась до установления советской власти.

Необходимо отметить, что американские инвесторы в 1900-е и 1910-е гг. оказались в значительной степени вытеснены с российского рынка и проявляли интерес в недопущении на мировой рынок энергоресурсов России и торможении развития российских нефтяных компаний. Однако, потерпев поражение на внутреннем российском рынке, американские компании со временем получили преимущество на мировом рынке энергоресурсов. В период Первой мировой войны были закрыты стратегически важные для России турецкие проливы, через которые шло до 95,8% отечественного экспорта в Западную Европу и на Ближний Восток [10, с. 61].

Государство и иностранный капитал в советской энергетике

Советский период кардинальным образом изменил расстановку сил и ознаменовался национализацией энергетической промышленности. Иностранный капитал был вовлечен в экономическую деятельность тремя разными способами: участием в концессиях, осуществлением технической помощи и созданием совместных предприятий [1, с. 140]. Концессия являлась самой распространенной формой и подразумевала передачу российских месторождений в аренду западным компаниям. Исходя из этого вопросы концессионной политики 1920-х и 1930-х гг. можно считать базовыми в оценке вовлечения иностранного капитала в народно-хозяйственную систему страны Советов на начальном этапе.

Первые десятилетия становления советского государства нефтяная отрасль находилась в кризисном состоянии. Причиной стагнации послужили не только участие в Первой Мировой войне, внутриотраслевые кризисы и слом всего общественного устройства. Дополнительным ударом по российской нефтепромышленности стали территориальные потери богатых нефтью регионов в период оккупации Закавказья (1918-1922 гг.). После Октябрьской революции в Закавказье распространились мятежи и столкновения на национальной почве, возникла нехватка денежной массы в регионе, отток рабочей силы, что негативно сказалось на нефтяной индустрии [3, с. 90].

С целью решения данных проблем 9 апреля 1918 г. в Закавказских республиках было провозглашено самоуправление и создан Закавказский сейм, а затем создание Азербайджанской республики 28 мая 1918 г. В период гражданской войны регион Закавказья был оккупирован Турцией и Германией в 1918 г., затем Англией с конца 1918 г по 1919 г. Ввоз и вывоз нефтепродуктов контролировали английские войска, что фактически превратило юридическое право отечественных компаний на владение нефтяными активами в фикцию. Англичане снабжали свой флот бакинскими нефтепродуктами по ценам на четверть ниже рыночных (т.е. американских) [11, с. 21]. Показательно то, что после оккупации доля иностранного капитала в Закавказье была одной из самых высоких по стране [3, с. 96].

Государственное регулирование нефтяной промышленности в годы гражданской войны и военного коммунизма продолжило логику царского правительства предвоенных лет. Перед государством по-прежнему стояла задача подчинения отрасли тотальному государственному контролю. Нефтяная промышленность была национализирована советской властью одна из первых. Процедура национализации началась с трестирования и подчинения крупнейших нефтяных компаний («Братьев Нобель», «Шелл», русского товарищества «Нефть», «Каспийского товарищества») советскому руководству

[12, с. 97]. На данном этапе регулирование включало в себя вопросы ценообразования, контроля за поставками, контроля за внешней торговлей, участия в управлении компаниями и их реструктуризации.

Параллельно перед новым советским правительством встал вопрос об идеологической необходимости исключить западные капиталистические компании. Члены советского правительства разделились на сторонников и противников концессионной политики. В связи с технической и технологической отсталостью нефтяной отрасли, а также нехваткой бюджетных средств в государстве, изоляцией государства, в первые десятилетия существования советской власти иностранный капитал активно участвовал в модернизации экономики пролетарского государства. В 1921 г. вышло Постановление Политбюро ВКП (б) «О нефтяных концессиях» разрешавшее организацию нефтяных концессий в Грозном и Баку.

Главный концессионный комитет, регулирующий деятельность иностранных компаний, в частности в нефтяной промышленности, просуществовал с 1923-1937 гг. В пул сторонников концессионного пути развития входили руководители Концесскома Г.Л. Пятаков (1923-1925 гг.), Л. Д. Троцкий (май 1925 г.- ноябрь 1927 г.), В.Н. Ксандров (1927-1929 гг.), Л.Б. Каменев (1929-1932 гг.), а также троцкист И.Т. Смилга и заместитель Л.Д. Троцкого А.А. Иоффе [13, с. 54]. Еще одним сторонником концессий был Л.Б. Красин, первый нарком внешнеторговых связей, в прошлом генеральный представитель немецкой фирмы «Сименс и Шукерт». А. И. Рыков отвечал за цензуру материалов и публикаций, затрагивавших вопрос об иностранных концессиях в прессе. Необходимо отметить, что многие из сторонников иностранного участия в российской экономике в ходе своей профессиональной деятельности приобрели обширные связи в западных деловых кругах и настаивали на привлечении западных инвестиций в Россию.

Оппоненты концессионной политики критиковали привлечение иностранных инвестиций с точки зрения национальной безопасности. Идеологически настроенные члены советского руководства видели в существовании концессий «измену и предательство». Спецслужбы обвиняли концессии в разворачивании масштабной шпионской сети под прикрытием ведения экономической деятельности. Экономически концессии были выгодны скорее иностранным фирмам, чем советскому государству. На многих концессиях инвесторы получали гигантские прибыли, а поставляли оборудование устаревшего образца, происходил вывоз валюты, который приводил к отрицательному валютному балансу в стране. Как раз после проверок 1927 г. эти пункты послужили основанием для снятия с должности одного из главных идеологов концессионной политики Л.Б. Троцкого [5, с. 171].

После дипломатического поражения на Гаагской конференции 1922 г. и заключения «Договора о блокаде русской нефти», подписанного западными инвесторами в партийной дискуссии победила ориентация на собственное хозяйственное развитие, независимое от концессий и внешних займов. Г.Е. Зиновьев и И.В. Сталин в дальнейшем возглавили и усилили данную партийную линию [14, с. 5-6]. Последний руководитель Главного концессионного комитета В. А. Трифонов (1932-1937 гг.) стал инициатором сворачивания деятельности своего ведомства. Глава ведомства написал в НКВД записку «О фактах антигосударственной работы "Главконцесскома"» и издал указ "Об упразднении Главного концессионного комитета при СНК Союза ССР" [22]. В итоге резкий поворот партийной линии привел к демонтажу концессий как формы участия иностранного капитала в экономике СССР. Вследствие партийной борьбы и противодействия рабочего движения к 1930-м годам концессионная политика была практически свернута.

Особая ситуация с концессиями сложилась в Дальневосточной республике (1920-1922 гг.), где первые годы своего правления большевики власти не имели. Именно в этом регионе после закрытия Главконцесскома в 1937 г. продолжало существовать три японские нефтяные концессии, которые осуществляли свою деятельность на Северном Сахалине в Охинском районе вплоть до 1944 г. [5, с. 171]. Японские компании «Кухара» и «Oil Company of North Sagarana», позже переименованная в «Северно-Сахалинскую нефтяную компанию» активно привлекали японские инвестиции под добычу нефти и сотрудничали как с белым движением, так и с большевиками [15, с. 129]. Однако, выплат за разработку месторождений ни правительству Дальневосточной республики, ни Советскому правительству от японских концессионеров не поступало. В то же время факт нахождения японских войск в районе нефтедобычи на Сахалине дает основания сравнивать регион с оккупированным Закавказьем [15, с. 212].

Решение о запрете концессий можно считать ключевым в смене характера государственного регулирования иностранных инвестиций в области энергетики. На начальных этапах развертывания концессионной политики, благоприятствующей иностранному участию в российской нефтепромышленности, правительство взяло отрасль под контроль с помощью создания специализированных институтов. Важным шагом в процессе национализации в энергетике стало создание в 1922 г. базового предприятия нефтяной отрасли – Синдиката нефтяной промышленности (Нефтесиндиката). Нефтесиндикат как зонтичная структура включал в себя все ключевые предприятия и совместно

с Нефтеторгом и Нефтеэкспортом имел полномочия по продаже нефти и нефтепродуктов за границу при этом находясь в ведении Главного управления по топливу (ГУТ) ВСНХ. По мнению авторитетного историка нефти А.К. Соколова, создание синдиката способствовало укреплению нефтяной отрасли в последующие десятилетия [16, с. 101].

В 1940-1950-е гг. государство окончательно закрепило свои позиции в нефтяной промышленности, оставив иностранному капиталу крайне незначительную долю. Иностранные компании некоторое время продолжали владеть Сахалинскими и Кавказскими месторождениями углеводородов. Однако участие иностранного капитала на отдельных территориях можно назвать исключительным и скрытым от внимания советской общественности. Кульминацией огосударствления российской энергетики стал момент создания союзных министерств нефти и газа. Министерство нефтяной промышленности было создано в 1939 г. и просуществовало до самого распада СССР. В 1956 г. создано Главное управление газовой промышленностью при Совете Министров СССР (Главгаз).

Вследствие исторически сложившихся особенностей формирования нефтяной и газовой отраслей заметной особенностью становится разница отношений с государством и иностранными инвесторами. Газовая отрасль проходила свое становление в 50-60-е гг. XX века в условиях сильной и централизованной государственной власти и не была подвержена иностранному влиянию. Следствием этого стала монополистическая, исключая иностранное присутствие, структура газовых активов [1, с. 40-44, с. 154]. Для газовой промышленности более характерной стала внутренняя борьба, в отличие от конкуренции с иностранным капиталом, свойственной нефтяной отрасли. Например, в 50-60-е гг. XX века в высших руководящих органах происходила внутригрупповая борьба сторонников «старых» (Урало-Поволжье) и «новых» (Западная Сибирь) нефтегазоносных районов, тогда как о сотрудничестве или борьбе с иностранным капиталом речи не шло [Хромов].

Уже к 70-80-м гг. XX века отечественная нефтегазовая отрасль демонстрировала структурное доминирование в экономике, в силу чего стала важным объектом формирования энергетической политики государственно-партийной элитой. Подобное повышенное внимание высшей бюрократии к нефтегазовой отрасли характерно и для современной России. Существенный сдвиг в российском энергобалансе был обеспечен не только внутривластными и внутриэкономическими факторами, но и изменениями в общемировом энергобалансе. В частности, внешнее воздействие на российский энергобаланс оказали такие факторы, как рост цен на энергоносители, производственный, а также потребительский бум на Западе и впоследствии на Востоке.

Несмотря на значимость российского нефтегазового комплекса для европейского потребления энергоресурсов, Советская Россия не обладала достаточными ресурсами для осуществления политического влияния и не имела экономической власти на мировой арене. Испытывая внутреннее воздействие со стороны национальной политической элиты и внешнее воздействие со стороны иностранных инвесторов, нефтегазовый комплекс России оказывал слабое воздействие на европейский рынок. Энергетический кризис 1974 г., разразившийся во всем мире, выявил неспособность СССР, являющегося на тот момент энергетической державой, в достаточной мере влиять на ценообразование и баланс спроса и предложения на мировом энергетическом рынке. Как показала история роль Саудовской Аравии и англосаксонского капитала в обвале нефтяных цен в 1970-80-е гг. была значительно выше, чем роль Советского Союза, в поддержании цен на нефть.

Государственное регулирование и иностранный капитал в постсоветской России

Постсоветский период в развитии российской энергетики ознаменовался насыщением российского рынка иностранным капиталом, его деконцентрацией и разгосударствлением. Такие показатели, как структура собственности в отечественной энергетике и уровень иностранных инвестиций в отрасли, стали диаметрально противоположными советскому периоду после Второй мировой войны. Вместо высокой степени концентрации нефтегазового рынка и государственного контроля за участием иностранного капитала в его функционировании в энергетике стал преобладать частный сектор, а нефтяные активы стали приватизироваться отечественным бизнесом и поглощаться иностранными ТНК.

Крах социалистической системы открыл возможности для прихода западных инвесторов на российский рынок. К участию в российской энергетике вновь были допущены крупнейшие нефтегазовые ТНК. Иностранные компании получили возможность вести бизнес на территории РФ как самостоятельно, так и участвовать в реализации проектов совместно с российскими компаниями. На отечественный рынок вернулись такие транснациональные корпорации, как «Роял Датч Шелл», «Коноко Филипс», «Тоталь», «Эксон Мобил» и другие. Еще одной нишей в российской энергетике для иностранных компаний стало осуществление сервисного обслуживания. Западные инвесторы обладали технологиями в этой сфере. Такие корпорации, как «Shlumberger», «Hulliburton», «Transocean», «Weatherfort International», «Baker Hughes» стали подрядчиками крупнейших нефтегазовых компаний России и их западных партнеров.

Необходимо отметить, что с уходом государства из энергетики в 1990-е и начале 2000-х условия работы иностранных инвесторов стали более благоприятными. Основу взаимодействия государства и иностранных ТНК заложил 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» функционировавший в своем первоначальном виде с 30 декабря 1995 [14]. Условия соглашения устанавливают снятие налоговых обязательств (НДС, налог на полезные ископаемые, пошлины и другие сборы), взамен чего до момента полной окупаемости проекта инвестор платит государству 6%-ную компенсацию и только после этого делится с государством добываемой продукцией. Современные авторы, исследующие особенности применения СРП, отмечают как положительные, так и отрицательные последствия его реализации для экономики России [15, с. 84], [16, с. 10]. Тем не менее, можно утверждать, что с принятием 225-ФЗ после 60-летнего перерыва американские, французские, японские и другие иностранные компании вновь получили официальное разрешение добывать углеводородное сырье в полном объеме на выгодных для себя условиях.

В период «нефтяного бума» «длинных двухтысячных» [17, с. 21] активное сотрудничество с западными компаниями продолжилось. В качестве стимула к сотрудничеству российской властью анонсировалась потребность в западных технологиях и инвестициях. География современных нефтяных «концессий» практически совпадает с исторически сложившимися зонами западных интересов. Как и при советской власти, инвесторы заинтересованы в разработке недр на Сахалине. Компания «Сахалин Энерджи», работающая на проектах «Сахалин-1», «Сахалин-2», ведет свою деятельность в рамках СРП. Дополнительно, с открытием российского рынка, для иностранных ТНК стали доступны «исторически новые» месторождения западносибирских областей ХМАО, ЯНАО, Ненецком АО. Например, в последнем регионе действует СРП с компанией «Тоталь» по разработке Харьягинского месторождения [18, с. 78].

С середины 2000-х сложилась тенденция на суверенизацию российской энергетики и увеличение государственного контроля в отрасли. В 2003-2004 гг. смена ряда положений ныне действующего 225-ФЗ изменила механизм интеракций государства и иностранных ТНК минимально и закон об СРП продолжает действовать. В соответствии с текстом поправок из соглашения было исключено 262 месторождения. Однако фактически количество месторождений, разрабатываемых в рамках СРП, не изменилось, 3 действующих СРП, образованных в 1990-е гг. («Сахалин-1», «Сахалин-2» и «Харьягинское»), остались функционировать в прежнем режиме. Таким образом, механизм индивидуального налогообложения в рамках СРП общими (т.е. не льготными) схемами налогообложения заменен не был.

Поворотным для российской энергетики стал 2014 г., когда западными странами при лидирующей роли с США были запущены антироссийские секторальные санкции, запрещающие сотрудничество с российскими нефтяными и газовыми компаниями, ведение совместных проектов и поставку технологий, а также поставки оборудования для глубоководных работ на шельфе Черного моря. За последние годы объявили об уходе с российского рынка и покинули совместные проекты американские энергетические гиганты «Еххон» и «СopocoPhilips». Под давлением США ведутся дискуссии в рамках ЕС об отказе от «Северного потока-2» в пользу американского СПГ и проекта Трансадриатического трубопровода. Как следствие этого давления, еще начиная со времен «дела ЮКОСа», сложилась тенденция на обеспечение национальной энергетической безопасности. Государство в качестве рыночных механизмов регулирования энергетики ставит перед собой задачи по созданию собственных эталонных сортов нефти, развитию Санкт-Петербургской товарно-сырьевой биржи, развитию транспортной инфраструктуры, географической диверсификации потенциальных инвестиций и переориентации на восточных инвесторов.

Заключение

С последней трети XIX вв. иностранный капитал имел свою заинтересованность в активном включении в российский энергетический рынок. Минеральные ресурсы были и до сих пор являются одним из наиболее привлекательных для иностранных инвестиций сектором российской экономики. В XIX-XX вв. интенсивность поддержания суверенности отечественной энергетики зависела от периода становления нефтяной и газовой отраслей, устойчивости политического режима, состояния экономической системы и внешних факторов.

В современной России на повестке дня остается вопрос о положительном эффекте иностранного участия в развитии отечественной экономики. Стремление сохранить в постсоветский период национальную энергетику как козырь отечественной экономики послужило стимулом для принятия «Стратегии энергетической безопасности РФ» в 1997 г. и разработки проекта «Энергетической стратегии РФ до 2035 г.» от 01.02.2017. Однако наличие противоборствующих групп интересов в национальных энергетике и экономике осложняют принятие консолидированной позиции по поводу роли иностранного капитала в российской нефтегазовой промышленности. Неоднозначны и научные дискуссии по данному вопросу.

Литература

1. Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. – М.: Либроком. 2013.
2. Становление углеводородной энергетики России. Под ред. Иванова. – СПб.: Наука, 2007.
3. Чумаков В. Нобели. Становление нефтяной промышленности в России. – М.: ЗАО «Бизнеском», 2011.
4. Матвейчук А.А. Из истории начального периода акционерного учредительства в нефтяной промышленности России. Экономическая история. Обзорение. Под ред. Л.И. Бородкина. Выпуск 10. М., 2005.
5. Иголкин А.А. Нефтяная политика СССР в 1928-1940 гг. – М.: Институт российской истории РАН, 2005.
6. Нефть Страны Советов. Проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917-1991гг.). Под ред. В.Ю. Алекперова. – М.: Древлехранилище, 2005.
7. Иголкин А.А. Нефтяная промышленность России-СССР 1917-1928 гг. Дисс. докт. ист. наук. М., 2000.
8. Серикова У.С. Становление и развитие нефтегазового комплекса Каспийского региона. – М.: ООО «Издательский дом Недра», 2015.
9. Косторниченко В.Н. Иностраный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса. Экономическая история. Обзорение. Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005.
10. Медведев А.И. Как «Газпром» «выполняет поручение» госдепа США // Международная жизнь. 2008. № 8.
11. Турицин И.В. Германия в борьбе за бакинскую нефть: к истории колониального противостояния 1918 г. // Современная научная мысль. 2015. № 5.
12. Иголкин А.А. С.С. Хромов. Иностраные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 169–172.
13. Левин М., Шевелева И. Иностраные концессии 1920-х гг.: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 138–158.
14. Косых Е.С. Советское концессионное законодательство 20-х годов // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2004. № 2.
15. Лисицына Е.Н., Шашкина О.В. Проблема формирования органов управления японской нефтяной концессией на Северном Сахалине // Клио. 2017. № 11. С. 129–132.
16. Хромов С.С. Иностраные концессии в СССР. Исторический очерк. Документы. – М.: Институт Российской истории РАН, 2006.
17. Соколов А.К. Советский «Нефтесиндикат» на внутреннем и международных рынках в 1920-е гг. / Экономическая история. Обзорение. Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М., 2005.
18. Консультант Плюс. Правовая база. 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции». В редакциях 1995, 1999, 2003, 2005, 2011, 2016 гг.
19. Зерщикова Н.И. Особенности применения соглашения о разделе продукции в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 3. С. 75-84.
20. Селин В.С., Истомин А.В., Васильев В.В. Взаимодействие региональных и федеральных интересов в механизме соглашений о разделе продукции // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. №3. С. 4–11.

Kashina Evgenia Aleksandrovna, postgraduate student, Russian Politics Sub-department, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University (27/4, Lomonosovskiy pr., Moscow, 119991, Russian Federation). E-mail: kashina_evgenia@outlook.com

STATE AND FOREIGN CAPITAL IN RUSSIAN OIL AND GAS INDUSTRY IN XIX-XX CENTURIES

Abstract

The article deals with Russian energy system performance at the last third of XIX and throughout XX centuries in two aspects: in the context of governmental regulation and foreign involvement. The research aimed on Oil and Gas industry mainly. The issue of Russian government and foreign companies' relationship evaluation is in the spotlight. Moreover, there was undertaken an attempt to find out the factors that encouraged marginalization of the industry and vice versa its development in a context of foreign business and state bodies interactions. The article gives a positive correlation between the scale of foreign participation, dimension of governmental regulations and economic state in a current moment.

Keywords: Russian energy (last third of XIX and XX), history of oil and gas industry, oil and gas interest groups, energy policy, energy security, government regulation, foreign capital, power assets, internal consumption.